

DOI: 10.15393/j10.art.2020.4681

УДК 821.161.1+070

П. Е. Фокин*Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля**(Москва, Российская Федерация)*

pfokin@mail.ru

А. В. Петрова*Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля**(Москва, Российская Федерация)*

netochka-1@yandex.ru

«Пушкинская речь» Ф. М. Достоевского как событие (по материалам рукописного фонда Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля)*

Аннотация. 140 лет назад — 8 (20) июня 1880 г. — по случаю торжеств, связанных с открытием памятника А. С. Пушкину, состоялось выступление Ф. М. Достоевского на втором заседании Общества любителей российской словесности в зале Московского Благородного собрания. Оно сразу же было признано общественно-культурным событием. Этот эпизод биографии Достоевского неоднократно привлекал внимание исследователей. В рукописном фонде Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля в Москве хранится значительный комплекс материалов, относящихся к участию Достоевского в Пушкинском празднике. Вдова писателя А. Г. Достоевская, собирая материалы для «Музея памяти Ф. М. Достоевского», провела тщательную библиографическую работу, отследив практически все доступные ей публикации российской прессы, посвященные Пушкинской речи. Она сделала обширные выписки из газет, содержание которых позволяет увидеть событие глазами русских репортеров. Как показал анализ, лишь незначительные фрагменты газетных отчетов были востребованы биографами Достоевского. Характеристика откликов русской прессы на Пушкинскую речь как на крупное общественное событие, представленная в данной статье, позволила расширить контекст выступления Достоевского и предложить более детальный обзор аудитории слушателей. В статье высказано предположение о сходстве события, связанного с Пушкинской речью Достоевского, с его оптимистической антропологией, сформулированной в главе «Золотой век в кармане» в «Дневнике Писателя» за 1876 г. Предложенный системный свод публикаций, вызванных Пушкинской речью, позволяет сделать вывод о том, что она сама по себе — как общественно-культурное событие и литературно-публицистическое сочинение — стала важнейшим информационным событием 1880 г. В приложении к статье представлены фотографии некоторых материалов из рукописного фонда Государственного музея истории русской литературы им. В. И. Даля.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Пушкинский праздник, русская пресса, И. С. Тургенев, «Дневник Писателя»

Об авторах: *Фокин Павел Евгеньевич* — кандидат филологических наук, зав. отделом «Музей-квартира Ф. М. Достоевского», Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля (Государственный литературный музей) (Трубниковский пер., д. 17, стр. 1, г. Москва, Российская Федерация, 121069); *Петрова Анна Викторовна* — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела «Музей-квартира Ф. М. Достоевского», Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля (Государственный литературный музей) (Трубниковский пер., д. 17, стр. 1, г. Москва, Российская Федерация, 121069)

Дата поступления: 01.03.2020

Дата публикации: 30.06.2020

Для цитирования: Фокин П. Е., Петрова А. В. «Пушкинская речь» Ф. М. Достоевского как событие (по материалам рукописного фонда Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля) // Неизвестный Достоевский. — 2020. — № 2. — С. 162–188. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4681

Слово «событие» по отношению к речи, произнесенной Ф. М. Достоевским во втором заседании Общества любителей российской словесности 8 (20) июня 1880 г. в зале Московского Благородного собрания по случаю торжеств в связи с открытием памятника А. С. Пушкину, прозвучало буквально сразу по ее завершении — лишь только утихла буря оваций и восторгов. «Аксаков (Иван) выбежал на эстраду и объявил публике, что речь моя — *есть не просто речь, а историческое событие!*» — писал Достоевский спустя несколько часов, сообщая жене о своем успехе¹. «Успѣхъ Достоевскаго — истинное, многознаменательное событіе», — делился своим впечатлением неделю спустя сам И. С. Аксаков².

Несмотря на шум в зале, слово Аксакова услышали и запомнили. Российская пресса тут же его подхватила и растиражировала. В тот же день, 8 июня, телеграмма Международного агентства информировала из Москвы: «Г. Аксаковъ назвалъ эту рѣчь событіемъ и призналъ ее примирительницею до сихъ поръ еще не совсѣмъ сблизившихся западниковъ и славянофиловъ»³. «По отзыву И. С. Аксакова — рѣчь Достоевскаго была “настоящимъ событіемъ”», — писала «Страна» 12 июня⁴. «Аксаковъ выходитъ на кафедру. Онъ называетъ рѣчь Достоевскаго событіемъ, гениальной», — сообщал 13 июня «Киевлянин»⁵. «Аксаковъ совершенно справедливо назвалъ рѣчь Достоевскаго “событіемъ”», — отмечал корреспондент «Молвы» в отчете 14 июня⁶. «Мы видѣли также какъ вся интеллигенція рукоплескала рѣчи Ѳ. М. Достоевскаго, которую Аксаковъ назвалъ “событіемъ”», — сообщал своим читателям «Русский Курьер»⁷. Без прямой ссылки на Аксакова, но, конечно же, с его легкой руки, как о самоочевидном писал «Рижский Вестник»: «Событіемъ дня и едва-ли не всѣхъ празднествъ въ честь Пушкина было чтеніе Ѳ. М. Достоевскаго»⁸.

Это аксаковское определение выступления Достоевского оказалось настолько важным и значительным, что даже более полувека спустя, рассказывая о выступлении Достоевского на Пушкинском празднике, мемуарист не мог не отметить его:

«Председатель отчаянно звонил, повторяя, что заседание продолжается и слово принадлежит Ивану Сергеевичу Аксакову. Зал понемногу успокаивается, но сам Аксаков страшно волнуется. Он вбегает на кафедру и кричит: “Господа, я не хочу, да и не могу говорить после Достоевского. После Достоевского нельзя говорить! Речь Достоевского — событие! Все разъяснено, все ясно. Нет более славянофилов, нет более западников! Тургенев согласен со мною”» [Любимов: 419].

Событие это было запланировано. Правда, первоначальный замысел организаторов Пушкинских торжеств был иным. Им хотелось провести в эти дни своеобразный смотр русской литературы. Приглашение приехать и выступить получили И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, А. Н. Островский, И. А. Гончаров, М. Е. Салтыков-Щедрин, В. П. Полонский, А. А. Фет, А. Ф. Писемский, Н. А. Плещеев, А. Н. Майков. Список имен бесспорно внушительный! (Не забудем и самого И. С. Аксакова, бывшего одним из членов оргкомитета, а также москвича М. Н. Каткова, вокруг участия которого в торжествах развернулась настоящая борьба.) Несмотря на то, что практически все перечисленные литераторы были вполне уважаемыми и востребованными авторами, а иные (например, М. Н. Катков и М. Е. Салтыков-Щедрин) не без основания могли претендовать на роль «властителей дум», фаворитами, конечно же, были Тургенев, Толстой и Достоевский. Организаторы торжеств вполне обоснованно рассчитывали на то, что их выступления придадут празднику всероссийский масштаб и значимость, впишут его не только в летопись Москвы, но и в историю русской литературы.

Отказ Льва Толстого и колебания Достоевского, скрытые отговорками о здоровье и ссылкой на занятость работой над «Братьями Карамазовыми», поставили под удар сам замысел. Организаторы предприняли все возможные усилия. Уговаривать Толстого в Ясную Поляну, как известно, отправился Тургенев. К Достоевскому одно за другим полетели письма председателя Общества любителей российской словесности С. А. Юрьева. Миссия Тургенева оказалась безуспешной, а Достоевский после некоторого размышления дал положительный ответ.

Сама собой обозначилась новая интрига, которую сразу все осознали. Идеологическое противостояние между Тургеньевым и Достоевским, многими воспринимаемое — и не без оснований — как вражда, ни для кого не было тайной. И в частных письмах (с большей откровенностью и не стесняясь в выражениях), и печатно (стараясь соблюдать приличия) они неоднократно выказывали взаимное неприятие. С отказом Толстого московский праздник превращался в своеобразную дуэль. Значимость ее многократно увеличивалась тем, что расхождения Тургенева и Достоевского не были расхождениями сугубо личного порядка. Каждый из них был выразителем взглядов одной из двух главных неофициальных партий русской интеллигенции — так называемых «западников» и «славянофилов».

Следует подчеркнуть, что именно решение Достоевского принять участие в Пушкинском празднике превращало безобидное светское мероприятие в идейное ристалище. Он ехал в Москву не только, чтобы выразить свою любовь к Пушкину и поделиться размышлениями о его творчестве, но и чтобы высказать свои сокровенные взгляды, заявить свой манифест. К тому побуждал его духовный темперамент — темперамент пророка, жар которого Достоевский ощущал в себе еще в юности и который с годами становился только сильнее. «Дневник Писателя», открывший России Достоевского

как страстного и искусного публициста и привлечший к нему внимание широкой интеллектуальной аудитории, был порукой тому, что его участие в юбилейном разговоре о Пушкине отнюдь не сведется к одной только эстетической стороне вопроса.

Перипетии подготовки и поездки Достоевского в Москву, его пребывания там, история создания Пушкинской речи и реакция на нее современников были предметом разностороннего внимания исследователей биографии и творчества писателя. Наиболее обстоятельно они изложены в преамбуле к комментариям к «Дневнику Писателя» за 1880 г. в Полном собрании сочинений Ф. М. Достоевского в 30 т. (авторы Г. М. Фридлендер, А. О. Крыжановский — *ДЗ0*; 26: 441–491). Хронология событий представлена в «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского» [Летопись: 414–435]. Богатый очерк событий с опорой на разнообразные документы и свидетельства дал в свое время И. Л. Волгин в романе-исследовании «Последний год Достоевского» [Волгин, 2010: 275–393]. Особо следует отметить содержательное исследование американского слависта Маркуса Ч. Левитта «Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года» («Russian Literary Politics and the Pushkin Celebration of 1880») [Левитт].

Дни, проведенные в Москве, с мельчайшими подробностями описаны самим писателем в его письмах к жене, представляющих собой своеобразный дневник поездки (*ДЗ0*; 30: 157–185). По остроумному замечанию И. Л. Волгина, «трудно отделаться от чувства, что судьба имела свой тайный умысел, разлучая супругов на время московских торжеств. Будь они вместе, мы никогда бы не обрели возможность читать этот, как выражался его автор, “бюллетень”, вводящий нас в самую гущу событий. Мы никогда бы не увидели совершающееся *его* глазами» [Волгин, 2010: 285]. Анна Григорьевна понимала особую ценность этих писем и хранила их в отдельном конверте. Впоследствии, собирая материалы для «Музея памяти Ф. М. Достоевского», она провела тщательную библиографическую работу, отследив практически все доступные ей публикации российской прессы, посвященные Пушкинской речи. Она сделала обширные выписки из газет, содержание которых позволяет увидеть состоявшееся событие глазами русских репортеров. Как показывает анализ, лишь незначительные фрагменты газетных отчетов были востребованы биографами Достоевского. Детальное изучение и сопоставление откликов различных корреспондентов позволяет более объемно представить картину события, произошедшего во время чтения Ф. М. Достоевским «Пушкинской речи». Материалы, собранные А. Г. Достоевской, хранятся в рукописном отделе фондов Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля (Ф. 81. Оп. 2. Ед. хр. 39–41).

Москва с нетерпением ожидала выступлений Тургенева и Достоевского, их соперничества и борьбы. По сценарию торжеств каждому из них представлялись равные возможности. И хотя, по свидетельству П. И. Бартенева, «западники» предприняли попытку воспрепятствовать активному участию

Достоевского в празднике, их намерения получили решительный отпор со стороны организаторов⁹. Бой должен был быть честным.

Помимо речей на заседаниях Общества любителей российской словесности, каждому из них предоставлялась возможность провозгласить тост на торжественном обеде и выступить с чтением произведений Пушкина на литературно-музыкальных вечерах. Впрочем, возможность произнести тост, поучаствовать в литературно-музыкальных вечерах, произнести речь на заседании Общества любителей российской словесности была предоставлена также и другим приглашенным на праздник литераторам. Но только Тургенев и Достоевский были удостоены особой чести возглавить шествие русских писателей во время аллегорического «Апофеоза», которым завершались два запланированных литературно-музыкальных вечера, состоявшихся 6 и 8 июня в зале Благородного собрания, и надеть лавровый венок на голову поэта, бюст которого украшал сцену. Это несколько странное и в некотором смысле даже комичное действие¹⁰, дважды назначенное и повторенное, в котором было предусмотрено равенство Тургенева и Достоевского, наглядно свидетельствует о желании организаторов подчеркнуть их исключительную роль в торжествах и таким образом обозначить главное интеллектуальное событие Пушкинских дней.

Когда из-за неожиданной смерти императрицы Марии Александровны, последовавшей 22 мая, проведение Пушкинского праздника в обозначенные первоначальные сроки стало невозможным и Достоевский, связанный обязательствами перед «Русским Вестником» представить очередную часть романа «Братья Карамазовы» к концу июня, размышлял, оставаться ли в Москве или вернуться для работы в Старую Руссу, а свою речь о Пушкине отдать в печать, значимость его непосредственного участия в заседаниях Общества любителей российской словесности для организаторов торжеств и публики стала уже нескрываемой. В письме Достоевского к жене от 26 мая выразительно передана степень взволнованности устроителей, чей план рушился прямо на глазах:

«Когда же я объявил, что уезжаю 27-го, то поднялся решительный гам: “Не пустим!” Поливанов (состоящий в комиссии по открытию памятника), Юрьев и Аксаков объявили вслух, что вся Москва берет билеты на заседания и все берущие билеты (на заседания “Люб<ителей> р<оссийской> словесности”) берут, спрашивая (и посылая по несколько раз справляться): *будет ли читать Достоевский?* И так как они не могли всем ответить, в каком именно заседании буду я говорить, в первом или во 2-м, — то все стали брать на оба заседания¹¹. “Вся Москва будет в огорчении и негодовании на нас, если вы уедете”, — говорили они мне все. Я отговаривался, что мне надо писать “Карамазовых”; они серьезно стали кричать о депутации к Каткову просить отложить мне срок. Я стал говорить, что ты и дети будут беспокоиться, если я так надолго останусь, и вот (совсем не в шутку) не только предложили послать к тебе телеграмму, но даже депутацию в Старую Руссу к тебе, просить тебя, чтоб я остался» (ДЗ0; 30₁: 161).

Как видим, организаторы готовы были пойти на все, лишь бы удержать Достоевского в Москве.

И он остался. Подействовали не столько уговоры и лестное для самолюбия Достоевского внимание москвичей. И даже не возможность упрочить свои позиции среди читателей первопрестольной («Если будет успех моей речи в торжественном собрании, то в Москве (а стало быть, и в России) буду впредь более известен как писатель» (Из письма А. Г. Достоевской 27–28 мая 1880 г. — Д30; 30₁: 168)). Он ясно понимал, насколько важен для утверждения идей, сформулированных в речи, ее публичный, как бы мы сегодня сказали, медийный успех. Публикация текста речи в виде очерка, конечно, тоже привлекла бы внимание. Но это внимание было бы очень специфическое, сугубо литературное. Откликнулись бы совсем не те люди, для которых писал Достоевский. Штатные публицисты и критики — что либеральные, западнические, что патриотические, славянофильские, — ему были по большому счету безразличны. Их роль была факультативной, вспомогательной. Нужно было «глаголом жечь сердца людей». Действовать. А это было возможно только устным, *живым* словом. Вступив в очное противоборство с противником. Превратив речь в *событие*.

Именно об этом писал он жене, утвердившись в своем решении:

«...остаться здесь я *должен* и решил, что остаюсь. Дело главное в том, что во мне нуждаются не одни “Любители р<оссийской> словесности”, а вся наша партия, вся наша идея, за которую мы боремся уже 30 лет, ибо враждебная партия (Тургенев, Ковалевский и почти весь университет) решительно хочет умалить значение Пушкина как выразителя русской народности, отрицая самую народность. Оппонентами же им, с нашей стороны, лишь Иван Серг<еевич> Аксаков (Юрьев и прочие не имеют весу), но Иван Аксаков и устарел, и приелся Москве. Меня же Москва не слыхала и не видала, но мною только и интересуется. Мой голос будет иметь вес, а стало быть, и наша сторона восторжествует. Я всю жизнь за это ратовал, не могу теперь бежать с поля битвы. Уж когда Катков сказал: “Вам нельзя уезжать, вы не можете уехать” — человек вовсе не славянофил, — то уж конечно, мне *нельзя ехать*» (Д30; 30₁: 169).

Именно поэтому он в том же письме так беспокоится о своем здоровье: «Боюсь в день открытия простудиться и *кашлять на чтении*» (курсив наш. — П. Ф., А. П.; Д30; 30₁: 170).

Достоевский готовился к событию. И оно состоялось.

Ему предшествовала череда праздничных мероприятий. Началось с официального приема в Московской городской думе и академического научно-го заседания в университете. Потом последовали официальные, полуофициальные и «интимные» дружеские обеды и ужины, литературные вечера. Память национального поэта Москва праздновала по традиции широко,

хлебосольно, с обилием застолий и речей, со стихами и музыкой. Это было настоящее празднество.

Корреспондент газеты «Молва» И. Ф. Василевский (писавший под псевдонимом «Буква») делился с читателями подробностями торжественного обеда, данного депутатам от Московского городского общества вслед за открытием памятника:

«При входѣ въ залу глазъ нашъ встрѣтилъ кое что знакомое. Лавровые вѣнки, положенные утромъ у Пушкинскаго подножья, красовались по стѣнамъ въ одиночку и группами. Въ тропической зелени здѣсь не было недостатка. Пушкинскій бюстъ выглядывалъ изъ подъ навѣса огромныхъ пальмъ. Во всю длину зала протянулся главный столъ приблизительно куввертовъ на сто. Это былъ центральный и какъ бы почетный столъ, хотя объдавшіе выбирали мѣсто по собственному выбору. Перпендикулярно къ нему шли шесть другихъ столовъ, разумѣется безукоризненно сервированныхъ. Естественнымъ украшеніемъ каждаго стола служили вазы съ пузатыми ананасами, груды отборныхъ, не взирая на іюнь, французскихъ фруктовъ и хрустальные горки съ нарядною кондитерскою мелочью. По сосѣдству съ объденною залою размѣстился большой оперный оркестръ. Обѣдъ былъ “воспроизведенъ” лучшимъ московскимъ рестораторомъ, держателемъ Эрмитажа, г. Оливье. Такъ сказать вступительная часть обѣда прошла превосходно. Намъ предложена была цѣлая международная выставка самыхъ классическихъ закусокъ. Была даже “хинная водка”, вѣроятно, для страдающихъ лихорадкой, и “водка А. С. Пушкина”. Обѣдъ вообще отличался добропорядочностію. Для любителей той литературы, представительницей которой служить Г-жа Авдѣева, сообщаю и меню: супъ пюре изъ бекасовъ, прентаньеръ; пирожки; стерляди разварныя; филе — телятина; пуншъ съ киршемъ; дупеля; цыплята; салатъ, огурцы; цвѣтная капуста; парфе изъ земляники; десертъ.

Центральное мѣсто занялъ г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, А. А. Сабуровъ, пріѣхавшій за просто во фракъ, безъ всякихъ регалій и сѣвшій противъ бюста Пушкина, между А. А. Пушкинымъ и графинею Меренбергъ. Противъ него помѣстился хозяинъ обѣда, Московскій Городской Голова, С. М. Третьяковъ. За тѣмъ же столомъ можно было замѣтить И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевскаго, И. С. Аксакова, Я. К. Грота, французскаго слависта г. Леже, А. Н. Майкова, М. Н. Каткова, почти рядомъ съ нимъ — такова ужъ объденная иронія — А. А. Краевскаго, М. М. Стасюлевича и другихъ. Музыка работала усердно»¹².

Репортер «Петербургской Газеты» Баталин сообщал:

«Пушкинскія празднества продолжаются непрерывно другія сутки. Обѣдъ былъ роскошный. Первый тостъ за Государя Императора провозглашенъ былъ Управляющимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія

Сабуровымъ и встрѣченъ восторженно; рѣчи говорили Аксаковъ, Катковъ и другіе. Аксаковъ говорилъ на тему о народности и русской геніальности. Катковъ — о примиреніи партій видя единодушіе вокругъ памятника нашему незабвенному поэту: “мракъ разсѣялся, пусть свѣтъ будетъ надъ русской землей”, говорилъ онъ. Этому примирительному настроенію оратора сочувственно аплодировали; послѣ рѣчи Каткова съ нимъ поцѣловался Аксаковъ, а г. Гайдебуровъ подошелъ пожать ему руку; только Краевскій, сидѣвшій черезъ одинъ стулъ, остался въ положеніи семи греческихъ мудрецовъ, молча покручивая усь. Здѣсь онъ стушевался... Литературное сближеніе партій увеличивается»¹³.

От часа к часу эмоциональный настрой участников возрастал. Присутствие литературных фигур первой величины способствовало увлечению. Им восторженно аплодировали, подносили цветы, пожимали руки, выражали сочувствие и благодарность, кричали «браво!» и «ура!». Публика жаждала продолжения и новых впечатлений. Следила за каждым шагом оппонентов. Ловила каждое их слово. «Болельщики» Тургенева и Достоевского ревниво фиксировали удачи и промахи соперников¹⁴. Отклики прессы тех дней достаточно точно отражают всеобщее настроение и интерес.

6 июня состоялся первый литературно-художественный вечер. В подробном отчете «Санкт-Петербургских Ведомостей», в котором перечислены все 16 пунктов программы и дана характеристика каждому выступлению, только выступления Достоевского и Тургенева удостоены развернутого комментария:

«Ф. М. Достоевскій прочелъ монологъ Пимена изъ “Бориса Годунова”: “Еще одно послѣднее сказанье...” Ф. М. Достоевскій, какъ вамъ извѣстно, превосходно читаетъ, но здѣсь, въ этой залѣ, вслѣдствіе ли дурныхъ акустическихъ условій или чего другого, уважаемаго чтеца не было слышно даже изъ третьяго ряда креселъ. Можете себѣ представить, какъ много слышали и насладились этимъ чтеніемъ сидящіе въ другихъ, въ десятыхъ и двадцатыхъ рядахъ! Ф. М. Достоевскаго встрѣтили рукоплесканіями»¹⁵.

«И. С. Тургеневъ прочелъ стихотвореніе “Опять на родинѣ”. Появленіе Тургенева вызвало огромную, нескончаемую бурю рукоплесканій. Восторженнымъ кликамъ, привѣтствіямъ не было конца. По окончаніи чтенія этотъ взрывъ повторился и вызовамъ не было конца. Тургеневъ, выходя въ третій или четвертый разъ на вызовы, сказалъ коротенькое стихотвореніе, вызвавшее новую бурю восторга. Овація длилась съ добрые четверть часа»¹⁶.

7 июня Тургенев читал свою речь в первом заседании Общества любителей российской словесности. Репортер «Страны» сообщал:

«...сдѣланъ былъ небольшой перерывъ въ засѣданіи, какъ будто нарочно для того, чтобы дать публикѣ собраться съ духомъ, потому что на каеэдру

долженъ былъ взойти И. С. Тургеневъ. Наконецъ онъ явился, и оглушительный взрывъ рукоплесканій едва только могъ успокоиться черезъ нѣсколько минутъ, потомъ прорывался нѣсколько разъ во время чтенія и разразился такимъ же громомъ, какимъ начался, если еще не сильнѣе, когда онъ окончилъ. Рѣчь его будетъ, говорятъ, напечатана въ “Вѣстникѣ Европы”; ее нужно или выслушать всю или прочесть, а передавать въ извлеченіи невозможно, потому что въ произведеніяхъ такихъ писателей, какъ Тургеневъ, малѣйшее даже уклоненіе отъ формы изложенія можетъ иногда придать другой смыслъ содержанію»¹⁷.

«Оно было недурно по содержанію, — делился по свежим следам впечатлениями от речи Тургенева И. С. Аксаков, — и, разумѣется, очень изящно написано, но все же жидковато по мысли. Много уступокъ сдѣлалъ онъ изъ своего западничества, однакоже еще не рѣшался признавать Пушкина “національнымъ гениемъ”, не по происхожденію, разумѣется, а по внутреннему духу его поэзіи. Однимъ словомъ, какъ я ему сказалъ шутя: говорилъ онъ хоть и не совсѣмъ какъ авторъ “Дыма”, однакожь дымомъ припахивало!»¹⁸.

Достоевский и вовсе считал, что Тургенев в своей речи «унизил Пушкина, отняв у него название національного поэта» (Д30; 30₁: 182), а аплодисменты ему были заранее заготовлены и в зале сидели специально приглашенные Ковалевским слушатели — «всѣ его студенты и все западники», — «чтоб выставить Тургенева, как шефа их направления, а нас унижить, если мы против них пойдем» (Д30; 30₁: 182).

На обеде, состоявшемся в этот день, как и накануне, опять звучали многочисленные речи и тосты. Газетчики, отметив слова А. Н. Островского, не оставили без внимания и скрытую полемику между Тургеневым и Достоевским:

«Рѣчь Островскаго чрезвычайно умна, безыскусственна, полна остроумія и прекрасно сказана. Онъ метко и образно охарактеризовалъ великое значеніе Пушкина въ дѣлѣ умственного развитія грамотной Россіи и подъема народнаго самосознанія. “Отъ Пушкина умнѣетъ каждый кто только можетъ умнѣть (крики “браво”). Русскіе писатели благодаря Пушкину стали сами собой — онъ далъ имъ смѣлость стать русскими”. Тургеневъ провозгласилъ тостъ за иностранныхъ представителей литературы, высоко цѣнящихъ русскій геній. Достоевскій — за Пушкина, какъ величайшаго въ Россіи челоуѣка: “чистѣйшаго, честнѣйшаго и умнѣйшаго въ Россіи челоуѣка”»¹⁹.

«Я не хотел говорить, — писал Достоевский жене вечером 7 июня, — но под конец обеда вскочили из-за стола и заставили меня говорить. Я сказал лишь несколько слов, — рев энтузиазма, буквально рев» (Д30; 30₁: 183).

Интрига нарастала. В том же письме далее Достоевский возбужденно рассказывает:

«Затем уже в другой зале обели меня густой толпой — много и горячо говорили (за кофеем и сигарами). Когда же в ½ 10-го я поднялся домой (еще 2 трети гостей оставалось), то прокричали мне ура, в котором должны были участвовать поневоле и несочувствующие. Затем вся эта толпа бросилась со мной по лестнице и без платьев, без шляп вышли за мной на улицу и усадили меня на извозчика. И вдруг бросились целовать мне руки — и не один, а десятки людей, и не молодежь лишь, а седые старики. Нет, у Тургенева лишь клакеры, а у моих истинный энтузиазм. <...> Несколько незнакомых людей подошли ко мне и шепнули, что завтра, на утреннем чтении, на меня и Аксакова целая кабала. Завтра, 8-го, мой самый роковой день: утром читаю статью, а вечером читаю 2 раза, “Медведицу” и “Пророка”. “Пророка” намерен прочесть хорошо. Пожелай мне» (ДЗ0; 30₁: 183).

Когда Достоевский всходил на кафедру, двухтысячная аудитория, собравшаяся в зале Благородного собрания, горячо приветствовала оратора. «Когда я вышел, зала загремела рукоплесканиями и мне долго, очень долго не давали читать, — отчитывался Достоевский Анне Григорьевне. — Я раскланивался, делал жесты, прося дать мне читать — ничто не помогало: восторг, энтузиазм <...>. Наконец я начал читать: прерывали решительно на каждой странице, а иногда и на каждой фразе громом рукоплесканий» (ДЗ0; 30₁: 184).

М. А. Веневитинов, один из многочисленных слушателей Достоевского, записал в дневнике:

«Но вот на кафедре появился Достоевский. Раздались восторженные и долго не смолкавшие рукоплескания. Затопали ногами, замахали платками. Долго Достоевский откланивался, долго стоял в зале гул восторга. Если б его взвесить или измерить, то на его стороне оказался бы значительный перевес против тех оваций, которых вчера предметом был Тургенев. Наконец шум улегся, и в зале сделалось так тихо, что, казалось, можно было слышать полет мухи. Среди напряженного внимания публики Достоевский начал свою замечательную, теплую по чувству и глубокую по мысли речь. Не удалось Федору Михайловичу произнести свою речь безостановочно до конца. Богатое ее содержание, меткие, прочувственные выражения, новый по мысли разбор “Цыган” и “Евгения Онегина”, тонкий анализ типа Татьяны — как идеала русской женщины, тройственное деление поэзии Пушкина и указание на ее общечеловеческое значение, — все эти блестящие места речи невольно захватывали дух у слушателей своею глубиною и заставляли залу неоднократно прерывать оратора взрывами восторженных рукоплесканий» [Веневитинов: 504].

Действительно, аплодисменты раздавались поминутно, но то, что случилось после окончания речи, не имело прецедентов.

Московские «Современные Известия» писали:

«Рѣчь, произнесенная *Ф. М. Достоевскимъ*, произвела истинный фуроръ. <...> Это была молнія, прорѣзавшая небо. О силѣ впечатлѣнія, произведеннаго на слушателей, можно судить потому, что зала буквально была свидѣтельница истерическихъ припадковъ; женщины плакали, а одинъ молодой человекъ, потрясенный, стремительно, внѣ себя, бросился къ оратору. Не найдя его тамъ, потому что члены общества, вмѣстѣ съ ораторомъ удалились тѣмъ временемъ въ смежную съ эстрадою залу, молодой человекъ вбѣжалъ туда и упалъ безъ чувствъ; нѣсколько минутъ продолжался этотъ его нервный припадокъ»²⁰.

«Петербургский Листокъ» сообщал:

«Рѣчь г. Достоевскаго вызвала бурю восторговъ. <...> Махали платками, потрясали шляпами, плакали. Крикамъ “браво” и рукоплесканіямъ не было конца. Общество любителей Россійской словесности никогда не было еще свидѣтелемъ такихъ восторговъ. Достоевскій нѣсколько разъ являлся на кафедре и благодарилъ. Буря не унималась, когда же предсѣдатель Общества, г. Юрьевъ, объявилъ, что вслѣдъ за выслушанною рѣчью г. Достоевскій избранъ въ почетные члены общества, всѣ присутствовавшіе вскочили съ своихъ мѣстъ, не только публика, но и члены Общества, помѣщавшіеся на особой эстрадѣ. Безконечныя оваціи возобновились. Рѣчь г. Достоевскаго длилась около часу <...> нужно было слышать всю рѣчь, чтобы понять на сколько эти восторги были лишь слабою данью оратору»²¹.

В. О. Михневич, корреспондент санкт-петербургскихъ «Новостей», в своем репортаже красочно живописал случившееся:

«Безпримѣрныя оваціи, доставшіяся на долю Тургенева, достигли до своего крайняго выраженія въ послѣдній день праздника по отношенію къ г. Достоевскому. То, что произошло въ этотъ моментъ въ громадной залѣ Благороднаго Собранія, невозможно описать. Далѣе не могло простираться одобреніе слушателей оратору, дальше некуда идти въ выраженіи восторга и единодушнаго соединенія въ одной мысли, въ одномъ чувствѣ всѣхъ составныхъ элементовъ публики и дальше ничего уже не остается желать писателю-публицисту для своей славы, для своей популярности. Безъ сомнѣнія, по размѣру и температурѣ самыя горячія и самыя бурныя оваціи достались на этомъ праздникѣ г. Достоевскому, за исключеніемъ, можетъ быть, самаго виновника праздника <...>».

Когда г. Достоевскій кончилъ, въ залѣ поднялось что-то невѣроятное; не было человека, который бы не хлопалъ, не стучалъ и не кричалъ “браво” въ какомъ-то изступленіи. Женщины махали платками, многія изъ нихъ стали для этого на стулья, были и такія, что впали въ истерическое состояніе, въ воздухъ летѣли шапо-кляки, тысячи рукъ протягивались по направленію къ оратору... У многихъ глаза сверкали и лица пламенѣли, какъ въ минуты самаго сильнаго душевнаго возбужденія...»²².

Не менее эмоционально и ярко описывал произошедшее автор заметки, опубликованной в «Молве»:

«Разнородное по своей предварительной программѣ второе засѣданіе Общества любителей Россійской словесности превратилось въ единое и сплошное торжество Ф. М. Достоевскаго. Далеко далеко остались за нимъ всѣ будничныя оваціи. У экзальтированнаго собранія не хватало средствъ, чтобъ выразить свой восторгъ и оно просто металось по залѣ. <...>

Когда Достоевскій кончилъ, вся зала духовно была у ногъ его. Онъ побѣдилъ, растрогалъ, увлекъ, примирилъ. Онъ доставилъ минуту счастья и наслажденія душѣ и эстетикѣ. За эту-то минуту и не знали какъ благодарить. У мужчинъ были слезы на глазахъ, дамы рыдали отъ волненія, стонъ и громъ оглашали воздухъ, группа словесниковъ обнимала высокодаровитаго писателя, а нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ спѣшили къ нему съ лавровымъ вѣнкомъ и увѣнчали его тутъ же на эстрадѣ, среди дошедшихъ до своего апогея овацій. Здѣсь не мѣсто разбирать по существу рѣчь Достоевскаго. Мое дѣло — передать только то, что было, а было, между прочимъ и то, что какой-то молодой человѣкъ изъ слушателей, при послѣднихъ словахъ Достоевскаго, стремительно ринулся изъ залы, выбѣжалъ въ боковую комнату и тамъ упалъ въ обморокъ. Человѣческое слово не можетъ претендовать на большую силу»²³.

«Ни одна изъ рѣчей, произнесенныхъ на всѣхъ собраніяхъ, чествовавшихъ поэта, не воодушевила слушателей такимъ поразительнымъ энтузіазмомъ, какъ рѣчь Федора Михайловича, — отмечал «Рижскій Вестник». — По окончаніи ея онъ много разъ долженъ былъ подниматься на каѳедру чтобы отвѣчать поклонами на несмолкаемыя оглушительныя рукоплесканія и восторженные крики. Махали платками, шляпами, стучали»²⁴.

Даже спустя десять дней реакция публики на речь Достоевского оставалась в актуальной новостной повестке. 19 июня во всех подробностях о ней писала петербургская «Страна»:

«Въ этомъ засѣданіи читали рѣчи: Чаевъ, Аксаковъ, Анненковъ, Калачевъ, Бартеневъ (издатель “Русскаго Архива”) и Достоевскій. Но день этотъ безспорно и всецѣло принадлежалъ послѣднему. Рѣчь его произвела и на публику, и на членовъ Общества какое-то поражающее впечатлѣніе. Что дѣлалось въ залѣ — описать трудно; и крики, и стукъ стульями, и слезы, и даже истерики. Дамы вскакивали на кресла, подбѣгали къ сценѣ, все взволновалось, слилось въ одну колышущуюся массу, и отдѣльныхъ возгласовъ разобрать было уже невозможно. Я видѣлъ нѣсколькихъ членовъ Общества, которые, сидя на своихъ креслахъ, во время чтенія рѣчи, просто заливались слезами»²⁵.

И даже через три месяца («Историческая Библиотека», №№ 8 и 9. Август и сентябрь):

«Публика пришла въ какое-то восторженное опьянѣлое состояніе: хлопали въ ладоши, стучали и топали, махали шляпами, автору поднесли лавровый вѣнокъ, и наконецъ, когда Ѳедоръ Михайловичъ поднялся съ мѣста, члены Общества, по почину Ивана Сергѣевича Тургенева, его расцѣловали»²⁶.

Рассказ самого Достоевского о том, что творилось в зале Благородного собрания, хорошо известен:

«Всѣ, что я написал о Татьяне, было принято с энтузиазмом. (Это великая победа нашей идеи над 25-летием заблуждений!). Когда же я провозгласил в конце о *всемирном единении* людей, то зала была как в истерике, когда я закончил — я не скажу тебе про рев, про вопль восторга: люди незнакомые между публикой плакали, рыдали, обнимали друг друга и *клялись друг другу быть лучшими, не ненавидеть впредь друг друга, а любить*. Порядок заседания нарушился: всѣ ринулось ко мне на эстраду: гранд-дамы, студентки, государственные секретари, студенты — всѣ это обнимало, целовало меня. Все члены нашего общества, бывшие на эстраде, обнимали меня и целовали, все, буквально все плакали от восторга. Вызовы продолжались полчаса...» (ДЗ0; 30₁: 184).

Так что же произошло? Что вызвало такой бурный восторг, похожий на массовую истерию, к которой иногда приводят своих слушателей лидеры религиозных сект во время радений? Почему Аксаков провозгласил речь Достоевского «историческим событием», а пресса согласно подхватила его слова?

Феномен Пушкинской речи стал предметом рефлексии уже на другой день. Большинство объясняли его выдающимся искусством Достоевского-оратора: «Органъ г. Достоевскаго слабый и жидкій, но діапазонъ его необыкновенно плавный, внятнѣй и выразительнѣй, — писали «Новости» 13 июня. — Читаетъ онъ превосходно — просто, естественно, съ мастерской интонаціей»²⁷.

14 июня в «Молве» появилась следующая заметка:

«Несомнѣнно, что Достоевскій электризоваль всѣхъ, именно электризоваль. Рѣчь его, появившись въ печати, потеряла $\frac{9}{10}$ своего обаянія. Тутъ уже наступила очередь критики, логики, взвѣшиваній, сопоставленій и спокойныхъ подстрочныхъ примѣчаній, а тамъ было только увлеченіе, увлеченіе и увлеченіе. Тамъ была — воспользуюсь однимъ сравненіемъ сдѣланнымъ, — “молнія прорѣзавшая небо”.

Представьте себѣ Петра Пустынника, зывающаго къ крестоносцамъ. Представьте себѣ лаву, льющуюся устами. Представьте себѣ, что не только этотъ самый человекъ обладаетъ гигантскимъ воображеніемъ, безпредѣльнымъ кругозоромъ, внѣшнимъ описательнымъ колоритомъ солнечной радуги и фанатическою, неисчерпаемою, надъ всѣмъ царствующею вѣрою въ правду, красоту и величіе своихъ идеаловъ, но что онъ еще заражаетъ другихъ своимъ энтузиазмомъ, заставляетъ словомъ любить и ненавидѣть, страдать

и наслаждаться, щуриться отъ блеска и блуждать во тьмѣ, и вамъ будутъ понятны главныя причины небывалыхъ овацій, вызванныхъ рѣчью Достоевскаго.

Аксаковъ совершенно справедливо назвалъ рѣчь Достоевскаго “событіемъ”. Она дѣйствительно была событіемъ въ литературномъ отношеніи. Жаръ и блескъ ея жегъ и ослѣплялъ. Великія отдѣльныя философскія мысли и неподобныя поэтическія картины, неподражаемыя характеристики типовъ, глубокойпревосходный анализъ чувствъ и нравственныхъ теченій въ обществѣ и человѣкѣ, безбрежная гуманистическая струя во имя любви, совершенства, правды, смѣлость переходовъ и величіе мыслей, посвященныхъ судьбамъ и вопросамъ всего человѣчества, — все это лилось у Достоевскаго широкою рѣкою, захватывая духъ и слушателей и мѣняя у нихъ одинъ эффектъ другимъ, одно сильное и цѣльное воспріятіе другимъ, не менѣе сильнымъ и не менѣе цѣльнымъ»²⁸.

В числѣ причинъ успеха отмечали и «пророческій» пафосъ речи, носящий ярко выраженный оптимистическій характер. В той же статьѣ в «Русском Курьере» отмечалось:

«Представители науки, интеллигенціи, прессы — съ восторгомъ привѣтствовали идею о “всечеловѣчески-братскомъ единеніи”, о томъ что “назначеніе русскаго человѣка есть безспорно всеевропейское, всемірное” и что “быть настоящимъ русскимъ, значитъ стремиться внести примиреніе въ европейскія противорѣчія, уже окончательно указать исходъ европейской тоскѣ въ своей русской душѣ, всечеловѣческой и всеобъединяющей, вмѣстѣ въ нее съ братскою любовью всѣхъ нашихъ братьевъ, а въ концѣ концовъ, можетъ быть, и изрѣчь окончательное слово великой всеобщей гармоніи, братскаго окончательнаго согласія всѣхъ племенъ по Христову евангельскому закону»²⁹.

Впрочем, некоторые увидели в этомъ желаніи Достоевскаго польстить русскому обществу. Так, И. Хрущев, авторъ заметки в газетѣ «Берегъ», писалъ:

«Талантъ Достоевскаго оказалъ услугу его парадоксамъ, увлекъ, подкупилъ насъ, и мы были въ упоеніи *національнаго самообольщенія*»³⁰.

В этомъ же смыслѣ чуть позже будетъ говорить обозреватель «Вестника Европы»:

«...рѣчь г. Достоевскаго <...> имѣла свой успѣхъ; сказанная въ извѣстномъ стилѣ талантливаго писателя, она подѣйствовала — безъ сомнѣнія, въ значительной степени — потому, что сказана была передъ аудиторіей уже приготовленной къ крайнему увлеченію: нѣсколько дней, проведенныхъ въ непрекращавшемся рядѣ сильныхъ впечатлѣній, сообщили этой аудиторіи почти нервическое возбужденіе, — по степени этого возбужденія ей требовалось

все больше увлекающих и обольстительных словъ. Ихъ предложилъ г. Достоевскій»³¹.

Г. И. Успенский в своем разборе речи Достоевского, опубликованном в «Отечественных Записках», и вовсе утверждал, что она была столь туманна, что каждый ее слушатель услышал в ней свое и вложил в слова Достоевского свой смысл.

Были и те, кто и вовсе отрицал речь Достоевского как событие. С откровенным сарказмом писал об этом корреспондент «Страны»:

«...дѣйствительно, она и была событіемъ въ томъ смыслѣ, что побудила г. Аксакова измѣнить рѣчь, приготовленную послѣднимъ, и повела къ избранію Достоевскаго почетнымъ членомъ общества любителей словесности, стало быть, рѣчь Достоевскаго имѣла уже фактическій результатъ»³².

Желая дискредитировать значение произошедшего в зале Благородного собрания 8 июня, автор уравнивает речь Достоевского с менее важными происшествиями, также нарочито именуя их «событиями»:

«По другимъ отзывамъ, событіемъ была рѣчь А. А. Потѣхина, потому что онъ предложилъ поставить еще въ Москвѣ памятникъ и Гоголю; такъ какъ за этимъ предложеніемъ тотчасъ послѣдовала подписка и собрано было до трехъ тысячъ рублей, то и эта рѣчь произвела уже положительный результатъ, еще более значительный, чѣмъ первая»³³.

Действительно, предложение А. А. Потехина, прозвучавшее в конце заседания, было с воодушевлением встречено публикой и нашло отражение в прессе, но никому и в голову не пришло назвать его «событием», да и речью-то выступление Потехина назвать можно только при большом желании. Но у критика «Страны» такое желание было.

Не унимаясь в своем сарказме, он добавляет и вовсе анекдотический эпизод:

«Наконецъ, иные называютъ событіемъ еще и рѣчь М. Н. Каткова, называютъ не безъ основанія, такъ какъ и это событіе тоже вызвало фактъ: П. А. Гайдебуровъ подошелъ къ М. Н. Каткову и пожалъ ему руку»³⁴.

Это недвусмысленная пародия на демонстративное примирение Тургенева и Достоевского. Удовлетворенный своим остроумием, автор торжествующе заключает:

«Но вотъ празднество кончилось; участники его разсѣялись и вниманіе печати точно такъ же разсѣялось на текуція дѣла. Достаточно-ли для насъ тѣхъ “событій”, которые произошли въ Москвѣ, и ограничится-ли ихъ дѣйствіе тѣми результатами, которые непосредственно послѣдовали? Конечно, намъ могутъ возразить на это, что невозможно было и ожидать, чтобы въ публичныхъ

рѣчахъ высказалось съ полнымъ просторомъ современное положеніе страны и ея задушевныя желанія. Но въ такомъ случаѣ — въ этомъ-то именно и заключалось истинное “событіе”, въ томъ, на примѣръ, что и 43 года по смерти Пушкина не всякое изъ самыхъ чистыхъ и возвышенныхъ его произведеній могло бы быть прочтено, вслухъ, безъ пропусковъ, на Пушкинскомъ же торжествѣ. Въ этомъ смыслѣ, не сила произнесенныхъ рѣчей была знаменательна, но скорѣе — неполнота, недостаточность ихъ»³⁵.

Признавая далее содержательность сделанного Достоевским анализа пушкинского творчества (помянув вкупе с Достоевским все того же Потехина — одновременно занижая значение речи Достоевского и отводя упрек в личном неприятии к нему), автор «Страны» обрушивается на публицистическую часть речи, не столько опровергая ее по сути, сколько негодую по поводу ее всеобщей поддержки. Его бесит (именно так можно точнее всего определить состояние автора) не только смысл речи Достоевского, но и всеобщее признание его:

«Но не трудно понять, что во всемъ этомъ (в анализе пушкинского творчества. — П. Ф., А. П.) не можетъ быть никакого указанія для современности, потому именно, что здѣсь прославлялась *сила генія*. Никому изъ современниковъ не дано быть Пушкинымъ, а стало быть, никакого указанія для современности изъ этой области сужденій — повторяемъ, нельзя и извлечь. Когда явится новый Пушкинъ, то онъ самъ и скажетъ новое слово; а до тѣхъ поръ, намъ остается только приносить дань удивленія Пушкину.

Но какъ только нѣкоторые изъ ораторовъ пробовали спуститься съ этой высоты на землю и, подъ наплывомъ возвышеннаго чувства, что либо вѣщать для нашего современнаго сознанія, для нашихъ цѣлей въ будущемъ, то широкій потокъ краснорѣчія суживался въ тонкій ручѣекъ текущій на жесткомъ, каменномъ лонѣ дѣйствительности, или — если продолжалъ бить съ прежней силой и шумомъ, то билъ красивымъ, но бесплоднымъ фонтаномъ, снова вверхъ, на воздухъ, въ область фантазій, “не отъ міра сего”, ничего не расчищая, ничего не оплодотворяя»³⁶.

Впрочем, демарш «Страны» оказался единственнымъ в своемъ роде. Все причастные к событію Пушкинской речи³⁷ остались солидарны с мнением Аксакова, пусть даже позже более критично отнеслись к высказанным Достоевским идеям. Для них на всю жизнь остались памяты те минуты духовнаго подъема, которые пережили они в тот день благодаря Достоевскому. Запомнились не только слова писателя, но прежде всего порожденное ими почти физическое *преображеніе* аудитории, преображеніе одновременно пережитое как личное и как всеобщее. Да, со стороны это, возможно, выглядело как массовая истерика. Все эти неистовые рукоплескания, крики, топот, маханіе платками, влезаніе на кресла, слезы, обмороки, объятія, рукопожатія, венчаніе лавровымъ венкомъ, блескъ въ глазахъ и пыланіе щекъ —

все это лишь выработанные прежним светским общежитием формы, в которые облеклось ранее небывалое чудо преображения. Замечательно, что уже спустя несколько месяцев, В. О. Михневич передаст эту картину такими словами:

«Когда чтение кончилось, вся зала дохнула каким-то вздохом одной исполинской груди, до глубины потрясенной благородным экстазом любви и мира» [Михневич: 265].

Здесь было то самое мучительное и радостное для всех участников состояние выхода из себя — привычного, обыденного, регламентированного, — проявление в себе подлинного и живого, что обычно скрывается под маской светских приличий и установлений, что-то вакхическое, дионисийское (не случайно в одном из отчетов прозвучало слово «опьяненное»).

Это было то преображение, о котором Достоевский, как о «фантастической и донельзя дикой мысли», писал в январском «Дневнике Писателя» за 1876 г. в главке «Золотой век в кармане»:

«Ну что, — подумал я, — если б все эти милые и почтенные гости захотели, хоть на миг один, стать искренними и простодушными, — во что бы обратилась тогда вдруг эта душная зала? Ну что, если б каждый из них вдруг узнал весь секрет? Что если б каждый из них вдруг узнал, сколько заключено в нем прямоты, честности, самой искренней сердечной веселости, чистоты, великодушных чувств, добрых желаний, ума, — куда ума! — остроумия самого тонкого, самого общительного, и это в каждом, решительно в каждом из них! Да, господа, в каждом из вас все это есть и заключено, и никто-то, никто-то из вас про это ничего не знает! <...>

Знаете ли, что даже каждый из вас, если б только захотел, то сейчас бы мог осчастливить всех в этой зале и всех увлечь за собой? И эта мощь есть в каждом из вас, но до того глубоко запрятанная, что давно уже стала казаться невероятною. И неужели, неужели золотой век существует лишь на одних фарфоровых чашках?

Не хмурьтесь, ваше превосходительство, при слове *золотой век*: честное слово даю, что вас не заставят ходить в costume золотого века, с листком стыдливости, а оставят вам весь ваш генеральский костюм вполне. Уверяю вас, что в золотой век могут попасть люди даже в генеральских чинах. Да попробуйте только, ваше превосходительство, хотя бы сейчас, — вы же старший по чину, вам инициатива, — и вот увидите сами, какое пионерское, так сказать, остроумие могли бы вы вдруг проявить, совсем для вас неожиданно. Вы смеетесь, вам невероятно? Рад, что вас рассмешил, и, однако же, всё, что я сейчас навоскличал, не парадокс, а совершенная правда... А беда ваша вся в том, что вам это невероятно» (ДЗ0; 22: 12–13).

И вдруг все это стало «вероятно». «Пелена вдруг упала». Все свершилось, как по писаному. Он сам сделал тот первый шаг и «увлек» своей

«простодушной» речью всех. И слушатели его зажили подлинной, искренней, живой жизнью. Оптимистическая антропология Достоевского, манифестированная им в статье «Золотой век в кармане», получила зримое подтверждение.

Ведь не только студенты и курсистки проявляли свое воодушевление. В зале было множество почетных и представительных гостей. В числе 244 делегатов, входивших в состав 106 официальных депутатий³⁸, несомненно, большинство были в самых солидных чинах. В самых что ни на есть генеральских. Тот же Яков Карлович Грот — академик, действительный статский советник. Или министр народного просвещения Андрей Александрович Сабуров, тоже действительный статский советник. Что уж говорить про московского генерал-губернатора графа Владимира Андреевича Долгорукова! Или городского голову Сергея Михайловича Третьякова!

В зале присутствовала многочисленная московская, петербургская и провинциальная светская и духовная профессура (филологи Н. С. Тихонравов, Н. И. Стороженко, М. И. Сухомлинов, В. Д. Смирнов, Алексей Н. Веселовский, Н. П. Некрасов, П. А. Висковатов, историки В. О. Ключевский, Н. В. Калачов, юристы М. М. Ковалевский, А. И. Чупров, С. М. Шпилевский, естествоиспытатели К. А. Темиряев, В. Д. Шервинский, В. Т. Собичевский, А. Г. Фишер фон Вальдгейм, Н. А. Любимов, математики Н. В. Бугаев, А. Ю. Давидов, богословы, историки церкви И. Д. Мансветов, Н. Ф. Каптерев), здесь сидели мэтры юриспруденции (А. Ф. Кони, Ф. Н. Плевако), редакторы и сотрудники литературных журналов (А. А. Краевский, С. А. Юрьев, П. И. Бартенов, В. П. Острогорский, Ф. Б. Миллер, В. Ф. Миллер, Н. А. Лейкин, П. А. Гайдебуров, А. С. Суворин, В. П. Буренин, Г. И. Успенский, Г. З. Елисеев, М. М. Стасюлевич, А. Н. Пыпин, П. И. Вейнберг, С. В. Максимов, Г. А. Джаншиев, В. И. Михневич, В. П. Ключников, И. Ф. Василевский, В. А. Бильбасов), общественные деятели (предводители дворянства из разных регионов, например, от Москвы — Д. Н. Шипов, от Санкт-Петербурга — граф А. А. Бобринский) и деятели культуры (Н. Г. Рубинштейн, С. И. Танеев, Н. Д. Кашкин, Ф. А. Бурдин, А. А. Нильский, П. А. Зиновьев, Л. В. Сакетти, В. П. Гавевский, В. Н. Андреев-Бурлак, И. Ф. Горбунов, В. Д. Поленов, К. А. Трутовский, А. А. Киселёва, А. И. Резанов, И. В. Самарин, В. Н. Кашперов, П. П. Вяземский, Н. Н. Страхов, В. А. Дашков, Е. Ф. Корш, А. Е. Викторов, Н. П. Аксаков, председатель Московского общества истории и древностей И. Е. Забелин, директор Исторического музея А. С. Уваров, директор Оружейной палаты Н. С. Чаев, секретарь московского Археологического общества В. Е. Румянцев, педагоги Л. И. Поливанов, В. А. Герье, П. Е. Басистов). Не забудем и тех, кто находился в президиуме на эстраде: И. С. Тургенев, А. Н. Островский, И. С. Аксаков, П. В. Анненков, А. Ф. Писемский, А. Н. Майков, А. А. Плещеев, Я. П. Полонский, Д. В. Григорович, А. А. Потехин³⁹ — все мужи уважаемые, седовласые и седобородые.

Светские дамы и даже «гранд-дамы», по слову Достоевского (*Д30; 30₁: 184*), тоже присутствовали в зале.

И вдруг все — решительно все! — оказались в «золотом веке».

Календарь рухнул. Часы остановились. География и политэкономия растворились. Осталось только Слово. Творящее и преображающее. То, что происходило в зале, было подлинным *со-бытием* — *совместным проживанием* вечно — подлинного и бессмертного.

И. Ф. Василевский («Буква») впоследствии вспоминал:

«Достоевский стоял у кафедры недвижно, как изваяние. По-видимому, он не думал и не ждал, что так сильно всколыхнется это человеческое море. Очень взволнованный и очень бледный, счастливый и точно испуганный, он смотрел застывшим, неподвижным, действительно “внутренним” взором, который, казалось, никого не видел, ничего не замечал. Худощавая, костлявая рука его медленно растирала лоб, на котором выступили капли нервного пота...» [Василевский: 272].

Корреспондент «Молвы», оказавшийся рядом, свидетельствовал:

«Когда послѣ окончанія случившагося подошли къ Достоевскому близкія къ нему лица, романистъ былъ самъ не свой. Онъ сидѣлъ блѣдный, взволнованный, съ поникшей головой и потухшимъ взоромъ. “Ничего подобнаго никогда со мной не бывало, говорилъ Достоевскій, это превыше человѣческихъ силъ... у меня голова пошла кругомъ и ноги подкосились... что это такое, я и самъ не знаю...”»⁴⁰.

Можно не сомневаться, что Достоевский сам был потрясен увиденным. Еще никогда не доводилось ему быть *свидетелем и участником* свершения собственного пророчества. Да, он знал за собой этот провидческий дар, но знать и быть очевидцем — это совсем разный духовный и экзистенциальный опыт. Он ведь тоже в этот час события выпал из времени и оказался в вечности.

Может быть, именно поэтому, несмотря на все напряжение нервов, с ним не случилось припадка, которого вполне можно было ожидать и которого он опасался, судя по письмам. Припадок, как мы знаем, тоже выносил Достоевского из реального мира в некое инобытие. Но пребывание в нем было одиноким и трагическим в своей отделенности от целого. Здесь же было со-единение, со-чувствие, со-переживание — полнота жизни не умозрительная, мелькнувшая в воспаленном мозгу эпилептика, а обретенная во плоти. «...Этими мгновениями живешь, да для них и на свет являешься, — спустя несколько дней писал Достоевский С. А. Толстой и признавался: — Я до сих пор как разmozженный» (*Д30; 30₁: 188*).

«“Вы наш святой, вы наш пророк!” “Пророк, пророк!” — кричали в толпе», — делился с женой впечатлениями от пережитого Достоевский (*Д30; 30₁: 184*). Пожалуй, «пророк» — ключевое слово, которое единственное разъясняет во всей полноте смысл события.

Еще раз взгляды в фигуру того, кто стоял за кафедрой. Кинохроники тогда, к сожалению, еще не было, но репортерское мастерство русских газетчиков позволяет нам живо увидеть ее:

«Г. Достоевскій не обладаетъ представительностью и — тѣмъ менѣе ораторскою наружностью. Маленькій, тщедушный, съ узенькими плечиками и жидкими оконечностями, онъ, съ перваго раза, кажется человѣкомъ большимъ, дряблымъ и слабенькимъ. Но въ этомъ хиломъ изможденномъ тѣлѣ бьется много нервной, лихорадочной жизни, въ этой гладко-причесанной некрасивой головѣ, съ мочалистою, растрепанной бородкой и впавшими глазами на морщинистомъ блѣдно-пергаментномъ лицѣ, подъ этимъ выпуклымъ характернымъ лбомъ, на которомъ легла какая-то мрачная безпокойная дума, неустанно работаетъ ртутно-подвижный, глубокой умъ, погруженный въ причудливо-мистическія фантазіи и грезы, работаетъ и ищетъ въ толпѣ этихъ своихъ грезъ, призрака недосягаемой на свѣтѣ истины, и притомъ *своей*, оригинальной истины... Въ общемъ, фигура г. Достоевскаго на кафедрѣ производитъ впечатлѣніе какого-то средневѣковаго, вдохновеннаго аскета-проповѣдника, непремѣнно фанатика, въ родѣ типичнаго Петра Пустынника. Въ немъ чувствуется та же беззавѣтная вѣра въ себя, въ свою миссію и тотъ же оттѣнокъ фанатизма, готоваго за свою идею пойти на костеръ, а при случаѣ посадить на него и противника, даже если онъ родной братъ»⁴¹.

На те сорок пять минут, что длилось чтение, Достоевский перестал быть Достоевским — Федором Михайловичем, литератором, отставным штабс-капитаном, любящим супругом и заботливым отцом, старым, большим человеком, с непростым характером и сложившимися привычками. Перестал существовать. «Как труп в пустыне». В теле его обитал пророческий дух. «Угль, пылающий огнем». «Бога глас».

И. С. Аксаков через пару месяцев, когда выйдет «Дневник Писателя» с текстом речи, напишет Достоевскому, вспоминая тот день: «Столько было электричества, что речь сверкнула молнией, которая мгновенно пронзила туман голов и сердец...» (цит. по: [Волгин, 2019: 673]). Это не просто метафора. Молния была *на самом деле*. Ее все видели. Не глазами, а духовными очами. Она стала той живой материей подлинной жизни, которая объединила пророка, его слово и его слушателей (каждого и всех) и образовала их совместное со-бытие.

Событием Пушкинских дней в Москве стало явление 8 июня 1880 г. пророка. Явление и признание. Признание пророка *в своем отечестве*. Вопреки библейской истине!

Со-бытие с пророком. Совместное с пророком приобщение к Истине.

Пушкинские дни 1880 г. были особенными в истории русской культуры. По определению С. О. Шмидта, «ни прежде, ни позднее не было в дореволюционные годы праздника культуры, вызвавшего столь широкий интерес всей России» [Шмидт: 296]. «“Провинциальные газеты полны известиями

о местном чествовании памяти великого поэта и рассуждениями о воспитательно-общественном значении Пушкина как писателя⁴². То, что говорилось по поводу пушкинского праздника в столичных газетах, что говорится теперь в провинциальных газетах, как нельзя более доказывает всероссийское участие в этом истинно народном праздновании...» [Левитт: 77].

Обозреватель «Новороссийского Телеграфа» не без иронии писал:

«Пушкинскій праздникъ или вѣрнѣе не самый праздникъ, а толки о немъ рѣшительно начинаютъ надоѣдать. До самаго послѣдняго времени нельзя было взять въ руки газеты или приняться за чтеніе журнала чтобы не встрѣтиться съ соображеніями по поводу Пушкинскаго праздника. Одни восторгаются, другіе — издѣваются, третьи — грустятъ, но всѣ рѣшительно, всѣ восторгаются, издѣваются и грустятъ исключительно по поводу этого московскаго все-литературнаго торжества, которое чуть чуть было окончательно не смутило нашу такъ называемую интеллигенцію»⁴³.

Действительно, освещение Пушкинских торжеств стало подлинным феноменом русской журналистики 1880 г. В 1885 г. библиограф В. И. Межов издал (в Петербурге) отдельной книгой библиографический указатель «Открытие памятника А. С. Пушкину в Москве в 1880 г.: сочинения и статьи, написанные по поводу этого торжества» объемом в 75 страниц! Он содержит более тысячи записей.

«Двадцать две газеты и журнала, внесенные в официальный список делегаций, — это лишь малая часть от общего числа журналистов, присутствовавших на торжествах, — пишет исследователь данной темы Маркус Ч. Левитт. — Многие издания командировали по несколько делегатов-репортеров, из которых часть посылали материалы более чем в одну газету или журнал; а некоторые члены других делегаций, не будучи профессиональными журналистами, приняли тем не менее на себя и роль корреспондентов. В специальной библиографии Межова, посвященной торжествам, приведены названия более 110 периодических изданий, среди которых все крупные газеты и журналы Москвы и Петербурга; губернские, краевые и ведомственные органы; местные и другие независимые газеты (некоторые из них послали делегатов или имели своих представителей в Москве); церковные газеты и журналы; специализированные газеты для учителей, крестьян, сельских хозяев, врачей, художников и актеров; издания для семьи; иллюстрированные и сатирические газеты; университетские, философские, филологические, юридические и политические журналы; ежедневные, еженедельные, ежемесячные и ежеквартальные и др.» [Левитт: 77].

В этом колоссальном информационном потоке внушительную часть, сопоставимую только с репортажами о непосредственном открытии памятника Пушкину на Тверском бульваре, составляют отклики на речь Достоевского. Ее содержание тезисно было передано в тот же день Международным

телеграфным агентством, а потом в изложении репортеров (часто с включением объемных цитат) разошлось по страницам российской периодики.

Как метко написал И. Л. Волгин, «ни одно произведение Достоевского при жизни автора не вызывало такого количества откликов: “очерк” объемом около одного печатного листа породил лавину комментариев, оценок, возражений и опровержений — лавину, которая на протяжении нескольких месяцев буквально захлестывала русскую прессу» [Волгин, 2010: 277].

Текст речи, как известно, впервые появился 13 июня на страницах «Московских Ведомостей» — одного из самых авторитетных и читаемых печатных органов не только Москвы, но и всей России, с тиражом почти в 10 тысяч экземпляров. А после этого в течение месяца перепечатан в десяти (!) изданиях:

— 14 июня в «Современных Известиях» (Москва, № 162) и «Русской Газете» (Москва, № 73);

— 15 июня в «Новом Времени» (СПб., № 1542);

— 17 и 18 июня в газете «Харьков» (Харьков, №№ 631, 632);

— 18 июня в «Орловском Вестнике» (Орел, № 61);

— 20 июня в «Ведомостях Одесского Градоначальства» (Одесса, № 136);

— 22 и 29 июня в еженедельном приложении к газете «Современность» «Семейное Чтение» (№№ 23, 24);

— 22 и 25 июня в «Смоленском Вестнике» (Смоленск, №№ 66, 67);

— 22 и 26 июня в театральной газете «Суфлёр» (СПб., №№ 46, 47);

— 1 июля в иллюстрированном журнале для семейного чтения, юношества и детей «Семейные Вечера» (СПб., № 6, июнь);

— 6 и 8 июля в газете «Дон» (Воронеж, №№ 74, 76).

Кроме того, в конце года текст речи был опубликован в сборнике «Венок на памятник Пушкину» (М., 1880. С. 243–258).

Одновременно в изложении и откликах речь нашла свое отражение на страницах десятков газет и журналов.

12 августа Пушкинская речь (или точнее очерк «Пушкин») вышла в составе единственного за 1880 г. специального выпуска «Дневника Писателя». 4000 экземпляров были распроданы за полмесяца и 2 сентября был напечатан второй дополнительный тираж. Кроме Санкт-Петербурга и Москвы, «Дневник Писателя» будет разослан в книжные магазины Казани, Киева, Одессы, Харькова, Воронежа, Тулы, Тамбова, Тифлиса, Чернигова, Варшавы, Томска, Нежина.

Публикация в «Дневнике Писателя» вызвала новый всплеск откликов. Поле полемики сместилось в сторону литературно-журнальной периодики, но и газетчики не оставили своим вниманием новое издание речи.

Всего в течение года появилось 95 публикаций, посвященных выступлению Достоевского в Москве и его «Пушкинской речи»! Такого никогда не было. И если пристальное внимание к масштабному общественно-культурному событию с участием членов царской семьи, правительственных

чиновников, высшего духовенства и выдающихся деятелей отечественной культуры вполне вписывается в обычную информационную практику, то столь жгучий интерес к речи на литературную тему, произнесенную современным писателем, безусловно, является из ряда вон выходящим.

«Пушкинская речь» Достоевского *сама по себе* — как общественно-культурное событие и литературно-публицистическое сочинение — стала важнейшим информационным событием 1880 г. Вне зависимости от того, как приняли слова Достоевского его адепты и оппоненты, они прочно вошли в сознание русской читающей публики как исключительные, вдохновенные, жгущие — *пророческие*. Последовавшая вскоре смерть Достоевского придала им статус «духовного завещания».

Примечания

- * Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90018 («Неизвестные и малоизвестные источники биографии Ф. М. Достоевского в собрании Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля»).
- ¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1988. Т. 30, С. 184. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Д30* и указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках.
 - ² Письмо И. С. Аксакова о Московских праздниках по поводу открытия памятника Пушкину // Русский Архив. СПб., 1891. Т. 5. С. 96.
 - ³ Телеграммы Международного агентства // Молва. СПб., 1880. № 158. 10 июня.
 - ⁴ Петербург. 11 июня // Страна. СПб., 1880. 12 июня.
 - ⁵ Внутренние известия (О Пушкинской речи Ф. М. Достоевского) // Киевлянин. Киев, 1880. № 132. 13 июня.
 - ⁶ Пушкинская неделя в Москве. Второе заседание Общества любителей словесности // Молва. СПб., 1880. № 162. 14 июня.
 - ⁷ Передовая статья. Москва. 17 июня // Русский Курьер. Москва, 1880. № 163. 18 июня.
 - ⁸ Содержание речей Достоевского и Аксакова о Пушкине // Рижский Вестник. Рига, 1880. № 135. 16 июня.
 - ⁹ Письмо И. С. Аксакова о Московских праздниках по поводу открытия памятника Пушкину. С. 97.
 - ¹⁰ Современник так отозвался об этом в своем дневнике: «Знаменитый апотеоз вышел еще более смешным и странным, чем в первый раз. Появление на сцену русских писателей, актеров, актрис и директора частной гимназии третьего дня еще можно было, пожалуй, объяснить увлечением, восторгом и другими подобными чувствами, возбуждаемыми под влиянием данной минуты или известного, скоропреходящего настроения. Но повторение литературного и артистического Олимпа за бюстом Пушкина, с венками, глупым глазением на публику под блеском электрического освещения, уже теряло свой характер первобытной непосредственности и являлось простым ломаньем комедии по заказу. Прохождение по сцене с венками в руках писателей и артистов, складывание венков к подножию бюста, до известной степени извинительное в первый раз, во второй уже напоминало казенные реверансы институток перед важною особою, присутствующею на экзамене, или фиктивные коленопреклонения мальчиков в католических церквях, когда они пробегают мимо алтаря. Появление в апотеозе разных Максимовых, Потехиных, Мельниковых, Каменских еще, пожалуй, можно объяснить их самодовольством и самомнением; но я не понимаю,

- как Достоевский, умный, как кажется, человек, мог согласиться на личное участие в этой глупой комедии апотеоза и принять на себя такую странную в ней роль! Уж лучше бы он и во второй раз предоставил Тургеневу дешевую честь увенчания фиктивного Пушкина на фиктивном апотеозе русской литературы, которая сама показала мне какую-то фикцию в этот вечер» [Веневитинов: 507].
- 11 Достоевский, со ссылкой на Поливанова, Юрьева и Аксакова, интерпретирует здесь приобретение московской публикой билетов на оба заседания Общества любителей российской словесности в свою пользу, но, скорее всего, такой интерес был вызван именно ожиданием интеллектуальной дуэли Тургенева и Достоевского.
 - 12 Пушкинская неделя в Москве // Молва. СПб., 1880. № 160. 12 июня.
 - 13 Телеграммы «Петербургской Газеты». И. Баталин. Пушкинский праздник в Москве // Петербургская Газета. СПб., 1800. № 111. 8 июня.
 - 14 См., например, «протургеневский» отчет о литературном вечере 6 июня в газете «Страна»: «Читали: гг. Тургеневъ, Писемскій, Островскій, Анненковъ и Потѣхинъ. Всѣмъ имъ, конечно, аплодировали, всѣхъ благодарили, но И. С. Тургеневу достались опять исключительныя оваціи. Онъ прочелъ въ первый разъ “Опять на родинѣ”, послѣ чего его вызывали разъ десять, и какъ онъ ни отговаривался отъ повторенія, но вынужденъ былъ уступить настоятельнымъ требованіямъ и прочелъ другое стихотвореніе Пушкина: “Послѣдняя тучка разсѣянной бури”» (ОРФ ГЛМ. Ф. 81. Оп. 2. Ед. хр. 41. Л. 15–15 об.). Или ремарку в той же газете в отчете о втором литературном вечере, 8 июня: «И. С. Тургеневу на этомъ вечерѣ опять были сдѣланы шумныя оваціи и поднесенъ такой же вѣнокъ, какой утромъ получилъ Ф. М. Достоевскій» (ОРФ ГЛМ. Ф. 81. Оп. 2. Ед. хр. 41. Л. 25).
 - 15 Музыкально-литературный вечер 6-го июня // Санкт-Петербургские Ведомости. СПб., 1880. № 159. 11 июня.
 - 16 ОРФ ГЛМ. Ф. 81. Оп. 2. Ед. хр. 41. Л. 53–53 об. Для сравнения — о чтении А. Ф. Писемского сказано: «Чтеніе очень слабое, которое никто почти не слышалъ, но успѣхъ самаго уважаемаго нашего беллетриста очень большой. Рукоплесканія и вызовы» (Л. 52 об.). Об А. Н. Островском: «Ничего почти не слышно. Рукоплесканія и вызовы продолжительные» (Л. 52 об.). О П. В. Анненкове: «...голосомъ, котораго уже никто не могъ слышать, прочиталъ “Анчаръ” Пушкина» (Л. 53 об.). Про А. А. Потехина: «Нѣсколько громче прочелъ сцену изъ “Полтавы”» (Л. 53 об.). «Д. В. Григоровичъ прочелъ “Кирджали” Пушкина. Хорошее чтеніе, но которое тоже дальше пятого ряда не было слышно» (Л. 53 об.).
 - 17 Москва. Пушкинский праздник. 5–8 июня // Страна. СПб., 1880. № 48. 19 июня.
 - 18 Письмо И. С. Аксакова о Московских праздниках по поводу открытия памятника Пушкину. С. 95.
 - 19 Празднество Пушкину в Москве (7-го и 8-го июня) // Современность. СПб., 1880. № 99. 11 июня.
 - 20 2-е заседание в Обществе любителей российской словесности // Современные Известия. СПб., 1880. № 158. 10 июня.
 - 21 Хроника. Пушкинский праздник // Петербургский листок. СПб., 1880. № 110. 11 июня.
 - 22 Михневич В. Пушкинский праздник // Новости. СПб., 1880. № 154. 13 июня. Частично опубликовано в комментариях к письму Ф. М. Достоевского А. Г. Достоевской от 8 июня 1880 г. в Полном собрании сочинений Ф. М. Достоевского в 30 т. (ДЗ0; 30; 356).
 - 23 Пушкинская неделя в Москве. Второе заседание «Общества любителей словесности» // Молва. СПб., 1880. № 162. 14 июня.
 - 24 Содержание речей Достоевского и Аксакова о Пушкине // Рижский Вестник. Рига, 1880. № 135. 16 июня.
 - 25 Москва. Пушкинский праздник. 5–8 июня // Страна. СПб., 1880. № 48.
 - 26 Открытие памятника А. С. Пушкину // Историческая библиотека. СПб., 1880. №№ 8 и 9. Август и сентябрь.

- 27 Михневич В. Пушкинский праздник // Новости. СПб., 1880. № 154. 13 июня.
- 28 Буква. Пушкинская неделя в Москве. Второе заседание «Общества любителей словесности» // Молва. СПб., 1880. № 162. 14 июня. Частично опубликовано в комментариях к письму Ф. М. Достоевского А. Г. Достоевской от 8 июня 1880 г. в Полном собрании сочинений Ф. М. Достоевского в 30 т. (Д30; 30;: 356).
- 29 Передовая статья. Москва. 17 июня // Русский Курьер. М., 1880. № 163. 18 июня.
- 30 Хрущев И. Впечатления одного из депутатов на открытии памятника Пушкину // Берег. СПб., 1880. № 107. 10 июля.
- 31 Пыпин А. Н., Стасюлевич М. М. С Пушкинского праздника. 5–8 июня // Вестник Европы. СПб., 1880. Т. 84. С. XXXI.
- 32 Петербург. 11 июня // Страна. СПб., 1880. № 46. 12 июня.
- 33 Там же.
- 34 Там же.
- 35 Там же.
- 36 Там же.
- 37 Заметим, что автор статьи в «Стране» не был на заседании Общества любителей российской словесности 8 июня 1880 г. и судил обо всем по газетным отчетам и, возможно, по каким-то рассказам очевидцев.
- 38 Список участников опубликован в книге «Венок на памятник Пушкину» (М., 1880. С. 165–169).
- 39 И. А. Гончаров, А. А. Фет, М. Е. Салтыков-Щедрин не смогли приехать в Москву по состоянию здоровья. М. Н. Катков не присутствовал по причине конфликта с руководителями Общества любителей российской словесности, в большинстве своем осуждавшими консервативную позицию газеты Каткова «Московские Ведомости».
- 40 Пушкинская неделя в Москве. Второе заседание Общества любителей словесности // Молва. СПб., 1880. № 162. 14 июня.
- 41 Михневич В. Пушкинский праздник // Новости. СПб., 1880. № 154. 13 июня.
- 42 Об этом сообщила газета «Молва» 11 июня (№ 159).
- 43 Z. Журнальные заметки // Новороссийский Телеграф. Одесса, 1880. № 1652. 13 августа.

Список литературы

1. Василевский И. Ф. (Буква) Из московских в честь Пушкина празднеств в 1880 году // Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников / вступ. ст., сост. и примеч. С. В. Белова. — СПб.: Андреев и сыновья, 1993. — С. 266–272.
2. Веневитинов М. А. Из дневника // Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. — М.: Наука, 1973. — С. 502–509. (Литературное наследство; т. 86)
3. Волгин И. Л. Последний год Достоевского: исторические записки. — 4-е изд., испр. и доп. — М.: АСТ: Зебра Е, 2010. — 736 с.
4. Волгин И. Л. Ничей современник. Четыре круга Достоевского. — М.; СПб.: Нестор-История, 2019. — 736 с.
5. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1972–1990.
6. Левитт Маркус Ч. Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года / пер. с англ. И. Н. Владимирова и В. Д. Рака. Пер. коммент. М. Б. Кутеевой. — СПб.: Академический проект, 1994. — 265 с.
7. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. 1821–1881. — СПб.: Академический проект, 1995. — Т. 3: 1875–1881. — 614 с.

8. Любимов Д. Н. Из воспоминаний (Речь Ф. М. Достоевского на Пушкинских торжествах в Москве в 1880 году) // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников / сост. и коммент. К. Тюнькина. — М.: Худож. лит., 1990. — Т. 2. — С. 406–419.
9. Михневич В. О. (Колменский Кандид). Вчера и сегодня // Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников / вступ. ст., сост. и примеч. С. В. Белова. — СПб.: Андреев и сыновья, 1993. — С. 264–265.
10. Шмидт С. О. Пушкин и Пушкинский праздник в Москве 1880 г. // Шмидт С. О. После 75. Работы 1997–2001 годов. — М.: РГГУ, 2012. — С. 254–300.

Pavel E. Fokin

*The V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature,
(Moscow, Russian Federation)*

pfokin@mail.ru

Anna V. Petrova

*The V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature
(Moscow, Russian Federation)*

netochka-1@yandex.ru

Pushkin Speech by Fedor Dostoevsky as an Event (Based on the Materials of the Manuscript Fund of the Vladimir Dahl State Museum of the History of Russian Literature)

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian foundation for basic research (RFBR), project number 18-012-90018.

Abstract. 140 years ago, on June 8 (20), 1880, on the occasion of the celebrations associated with the opening of the monument to Alexander Pushkin, F. M. Dostoevsky gave a speech at the second meeting of the Society of Connoisseurs of Russian Literature at the Moscow Noble Assembly hall. It was immediately recognized as a social and cultural event. This episode in Dostoevsky's biography has repeatedly attracted the attention of researchers. The manuscript collection of The V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature contains a significant set of materials related to Dostoevsky's participation in the Pushkin Celebration. In the process of collecting materials for the Memorial Museum of F. M. Dostoevsky, A. G. Dostoevskaya, the writer's widow conducted thorough bibliographic work, tracing almost all available publications in the Russian press devoted to Pushkin speech. She made extensive extracts from newspapers, which allow you to see the event through the eyes of Russian reporters. As the analysis shows, only minor fragments of newspaper reports were of interest to Dostoevsky's biographers. The characteristic of the responses of the Russian press to Pushkin speech as a major public event, presented in this article, allows to expand the context of Dostoevsky's speech and offer a more detailed overview of the audience of Pushkin speech. An observation is made about the similarity of the event associated with Dostoevsky's speech with his optimistic anthropology, formulated in the article *Golden age in the pocket* (1876, *A Writer's Diary*). The presented systematic corpus of publications rooted in the Pushkin speech, allows us to conclude that the speech itself became the most important information event of 1880 as a social and cultural event and literary and journalistic essay. The Appendix to the article contains photos of some materials from the Manuscript Fund of the Vladimir Dahl State Museum of the History of Russian Literature.

Keywords: Dostoevsky, Pushkin celebration, Russian press, Turgenev, *A Writer's Diary*

About the authors: *Fokin Pavel E.* — PhD in Philology, Head of Department “Museum-apartment of F. M. Dostoevsky”, The V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature (State Literary Museum) (Trubnikovskiy per. 17, str. 1, Moscow, 121069, Russian Federation); *Petrova Anna V.* — PhD in Philology, Senior Researcher of “Museum-apartment of F. M. Dostoevsky”, The V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature (State Literary Museum) (Trubnikovskiy per. 17, str. 1, Moscow, 121069, Russian Federation)

Received: March 1, 2020

Date of publication: June 30, 2020

For citation: Fokin P. E., Petrova A. V. Pushkin Speech by Fedor Dostoevsky as an Event (Based on the Materials of the Manuscript Fund of the Vladimir Dahl State Museum of the History of Russian Literature). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 2, pp. 162–188. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4681 (In Russ.)

References

1. Vasilevskiy (Bukva). From Moscow’s Celebrations in Honor of Pushkin in 1880. In: *F. M. Dostoevskiy v zabytykh i neizvestnykh vosponinaniyakh sovremennikov [F. M. Dostoevsky in the Forgotten and Unknown Memories of His Contemporaries]*. St. Petersburg, Andreev i synov’ya Publ., 1993, pp. 266–272. (In Russ.)
2. Venevitinov M. A. From the Diary. In: *F. M. Dostoevskiy. Novye materialy i issledovaniya [Fedor Dostoevsky. New Materials and Studies]*, Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 502–509 (Ser. “Literary Heritage”; vol. 86). (In Russ.)
3. Volgin I. L. *Posledniy god Dostoevskogo: istoricheskie zapiski [The Last Year of Dostoevsky: Historical Notes]*, Moscow, AST Publ., Zebra E Publ., 2010. 736 p. (In Russ.)
4. Volgin I. L. *Nichey sovremennik. Chetyre kruga Dostoevskogo [Nobody’s Contemporary. Four Circles of Dostoevsky]*, Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriay Publ., 2019. 736 p. (In Russ.)
5. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh [The Complete Works: in 30 Vols]*. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
6. Levitt Marcus C. *Literatura i politika: Puskinskiy prazdnik 1880 goda [Russian Literary Politics and the Pushkin Celebration of 1880]*. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1994. 265 p. (In Russ.)
7. *Letopis’ zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo: v 3 tomakh [The Chronicle of Dostoevsky’s Life and Works: in 3 Vols]*. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1993, vol. 3: 1875–1881. 614 p. (In Russ.)
8. Lyubimov D N. From Memoirs (F. M. Dostoevsky’s Speech at Pushkin Celebration in Moscow in 1880). In: *F. M. Dostoevskiy v vospominaniyakh sovremennikov [F. M. Dostoevsky in the Memoirs of His Contemporaries]*, Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990, vol. 2, pp. 406–419. (In Russ.)
9. Mikhnevich V. O. (Kolomenskiy Kandid). Yesterday and Today. In: *F. M. Dostoevskiy v zabytykh i neizvestnykh vosponinaniyakh sovremennikov [F. M. Dostoevsky in the Forgotten and Unknown Memories of His Contemporaries]*. St. Petersburg, Andreev i synov’ya Publ., 1993, pp. 264–265. (In Russ.)
10. Shmidt S. O. Pushkin and the Pushkin Celebration in Moscow 1880. In: *Shmidt S. O. Posle 75. Raboty 1997–2001 godov [After 75. Works from 1997–2001]*, Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2012, pp. 254–299. (In Russ.)

ПРИЛОЖЕНИЕ

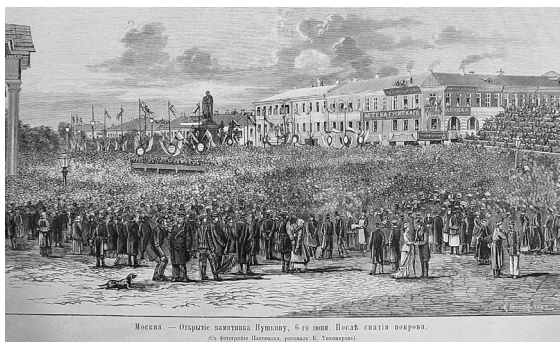

Илл. 1. Москва. Открытие памятника Пушкину. Момент передачи памятника городу Москве. Лист из «Всемирной Иллюстрации». Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля.

КП 41875

Fig. 1. Moscow. Inauguration of the monument to Pushkin. The moment when the monument was transferred to the city of Moscow. Page from the “Vsemirnaya Illustratsiya” magazine. V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature.

КР 41875

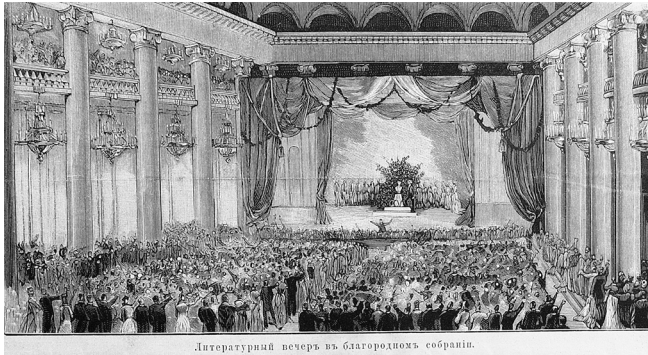

Илл. 2. Москва. Открытие памятника Пушкину, 6 июня. После снятия покрова. Рис. К. Тихомирова с фотографии Пастюкова. Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля.

КУ 8649

Fig. 2. Moscow. Inauguration of the monument to Pushkin, June 6. After the covers are removed. Drawing by K. Tikhomirov from a photograph by Pastyukov). V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature.

КУ 8649

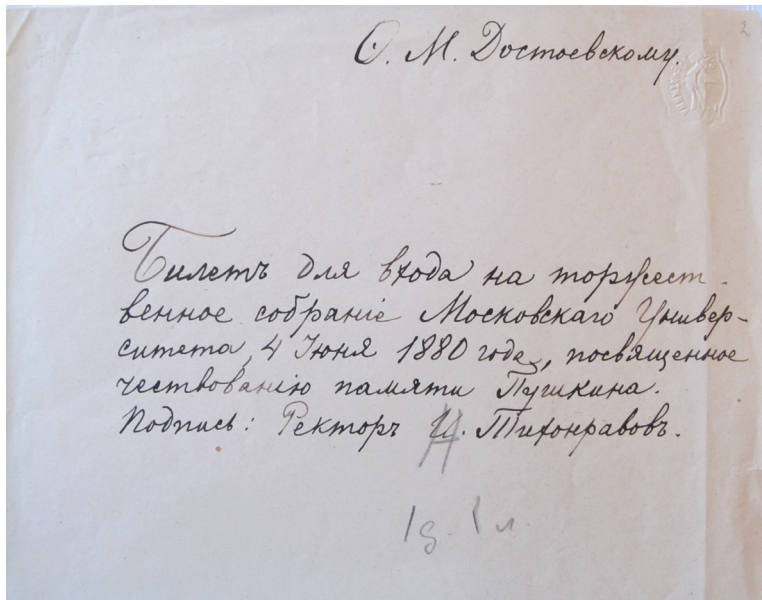
Илл. 3. Литературный вечер в Благородном собрании. Рисунок Ф. Гаанена с наброска Н. Чехова. Иллюстрация из журнала «Будильник». КУ 12808/2

Fig. 3. Literary soiree at the Noble Assembly. Drawing by F. Gaanen from a sketch by N. Chekhov. Illustration from the “Budilnik” magazine. КУ 12808/2

Илл. 4. Билет № 254 для входа на торжественное собрание Московского университета, посвященное памяти А. С. Пушкина. Из собрания А. Г. Достоевской. Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля. КУ 3520/1

Fig. 4. Ticket No. 254 for the entrance to the ceremonial meeting at the Moscow University, dedicated to the memory of A. S. Pushkin. From the collection of A. G. Dostoevskaya. V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature. КУ 3520/1

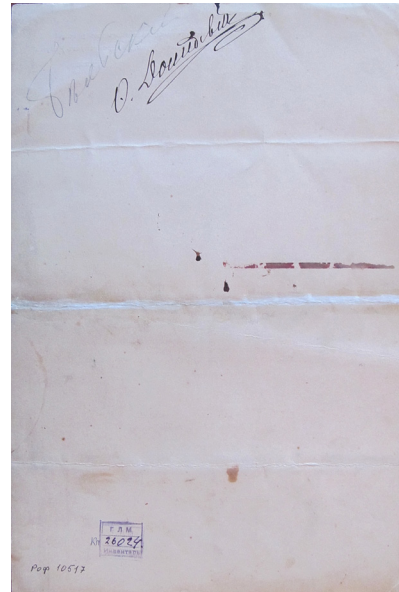

Илл. 5. Аннотация А. Г. Достоевской к билету № 254 для входа на торжественное собрание Московского университета, посвященное памяти А. С. Пушкина. Из собрания А. Г. Достоевской. Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля.
КУ 3520/2

Fig. 5. A. G. Dostoevskaya's annotation to the ticket No. 254 for the entrance to the ceremonial meeting at the Moscow University dedicated to the memory of A. S. Pushkin. From the collection of A. G. Dostoevskaya. V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature.
KU 3520/2

Илл. 6.

Илл. 7.

Илл. 6. Меню обеда 4 июня 1880 года.

Худ. К. А. Трутовский. Типолитография И. Н. Кушнерев и Ко. Москва (1880).
Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля.
КП 56702

Fig. 6. The lunch menu on June 4, 1880.

Designed by K. A. Trutovskiy. Typolithography of I. N. Kushnerev and Co.
Moscow (1880). V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature.
KP 56702

Илл. 7. Обратная сторона Меню обеда 4 июня 1880 года с автографом Ф. М. Достоевского.
Худ. К. А. Трутовский. Типолитография И. Н. Кушнерев и Ко. Москва (1880).
Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля.
КП 56702

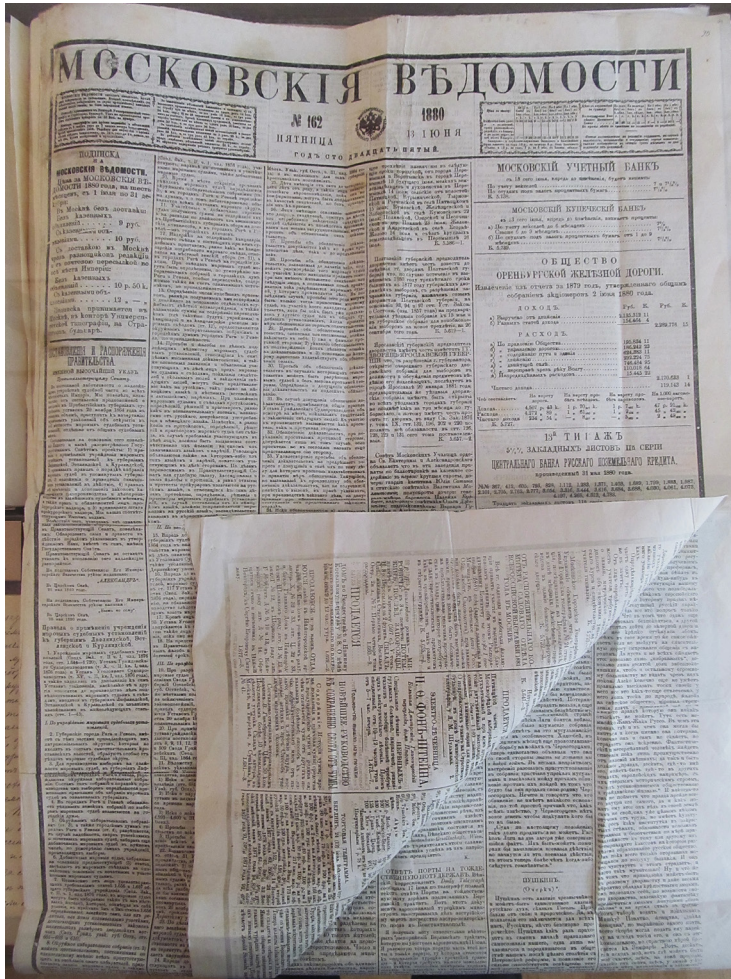
Fig. 7. Reverse side of the lunch menu on June 4, 1880 with the autograph
of F. M. Dostoevsky. Designed by K. A. Trutovskiy. Typolithography
of I. N. Kushnerev and Co. Moscow (1880).

V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature.
KP 56702

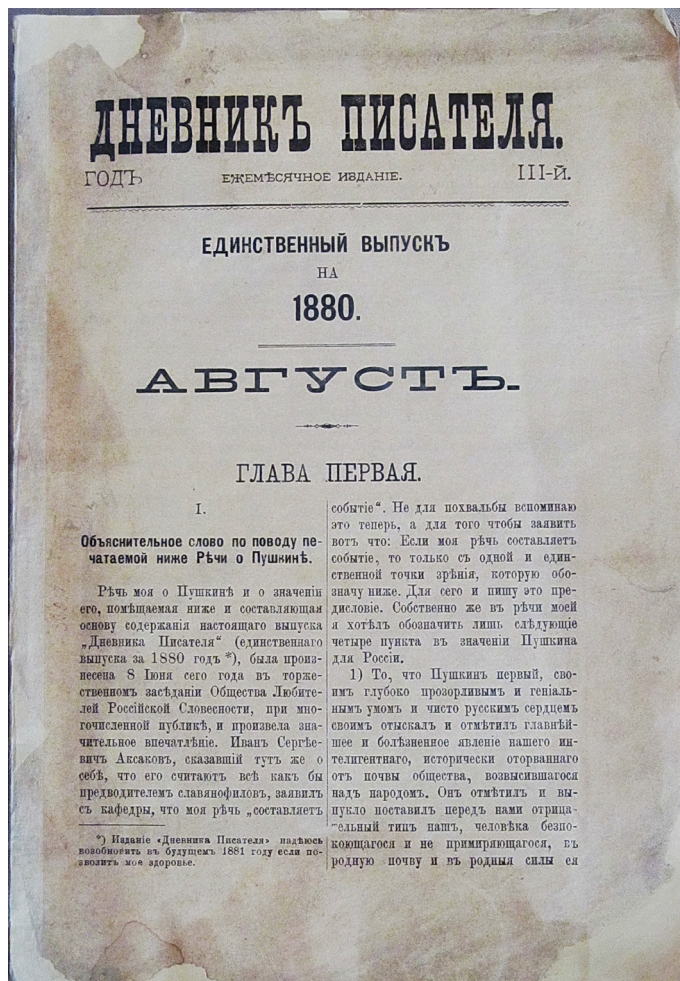
Илл. 8. Трехцветный бант участника Пушкинских торжеств в Москве 1880 г. Государственный музей истории русской литературы имени В. И. Даля. КП 35714/386

Fig. 8. Tricolor bow of a participant of 1880 Pushkin celebrations in Moscow. V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature. KP 35714/386

Илл. 9. Московские ведомости. 1880. № 162. 13 июня. С публикацией очерка Ф. М. Достоевского «Пушкин» (начало на третьей странице). Из собрания А. Г. Достоевской. Государственный музей истории русской литературы имени В. И. Даля. КП 56652/1

Fig. 9. Moskovskie Vedomosti newspaper, 1880, No. 162, June 13. Contain F. M. Dostoevsky's essay "Pushkin" (beginning on page 3). From the collection of A. G. Dostoevskaya. V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature. KP 56652/1

Илл. 10. Дневник писателя. 1880. Август. Единственный выпуск. Из собрания А. Г. Достоевской. Государственный музей истории русской литературы имени В. И. Даля. КП 56652/1

Fig. 10. A Writer's Diary. 1880. August. Sole issue. From the collection of A. G. Dostoevskaya. V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature. KP 56652/1